

В глубине заднего двора молодой даос в расшитом журавлями одеянии мерно ступал ритуальным «шагом журавля». Сжимая в руке персиковый меч и прикрыв глаза, он монотонно бормотал под нос заклинание:

—... Тысяче бесов не вырваться, тьме злых духов не совладать.

Едва слова затихли, даос распахнул глаза. Взмахнув левой рукой, он стремительно провел бумажным талисманом по лезвию персикового меча. От самой рукояти по дереву пробежала багровая вспышка — словно алый дракон устремился вслед за бумагой к острию. Стоило талисману соскользнуть с кончика клинка, как он вспыхнул сам по себе. Однако молодой заклинатель не выпустил объятую пламенем бумагу, будто огонь был ему нипочем.

Окончательно сгорев, бумага осыпалась пеплом. Огонь мгновенно перекинулся на лезвие. Подбросив догорающий пепел вверх, даос резко выкрутил кисть и направил острие меча на раскинувшийся перед ним пруд, зычно выкрикнув:

— Повинуйся немедленно!

Прежде спокойная гладь пруда пошла кругами. Вода забурлила, со дна шумно начали подниматься мириады пузырей.

Стоявшие позади даоса супруги средних лет напряженно следили за происходящим. Женщина испуганно вздрогнула и прижалась к мужу.

— Явись! — даос резким движением вскинул клинок.

Из воды вырвалась угольно-чёрная тень, взметнув к небу веер грязных брызг и комья донной тины. По саду мгновенно разнесся тяжелый болотный запах.

Тень с тихим шлепком рухнула на землю. Ею оказалась иссиня-чёрная лягушка величиной с два мужских кулака. Он уставился на молодого даоса налитыми кровью глазами, часто и шумно раздувал зоб, а его мощные, бугристые задние лапы не оставляли сомнений: перед ними существо из иного мира.

Лягушка хрипло квакнула. Заклинатель вонзил меч в дерн, сорвал с пояса расшитый мешочек и, распустив завязки, плавно повел им перед собой.

— Внутрь! — выкрикнул он.

Тварь неодолимой силой потащило по воздуху прямо к кошелю. В полете она выбросила длинный язык, пытаясь уцепиться за соседнюю ветку, но хрупкий прут не выдержал натяжения, с треском обломился, и лягушка вместе с обрубок влетела внутрь.

Стянув горловину золотым шнурком, даос вернул кошель на пояс, выдернул из земли меч и подошел к супругам.

— Господин Шэнь, тварь поймана, — спокойно произнес он.

Хозяин усадьбы, господин Шэнь, нервно погладил ухоженную бородку и спросил дрожащим голосом:

— Даоси Су, неужто... неужто именно эта тварь навлекала беды на мой дом?

Молодым даосом был Су Янь. Он сдвинул брови и покачал головой:

— У этого беса слишком мало сил, чтобы вредить людям напрямую. Однако там, где он селится, покой покидает дом, а хозяев начинают преследовать бесконечные беды. Впрочем, последние невзгоды вашего семейства вызваны не им. Позвольте спросить, господин Шэнь, есть ли среди ваших близких молодая знатная особа?

Подав знак служанке увести лишавшуюся чувств супругу, Шэнь Фанхэ тихо ответил:

— Скрывать не стану, даоси Су. У меня двое детей — сын и дочь. Сына два года назад отправили со службой в провинцию, невестка уехала с ним в Юнчжоу. А дочь всего несколько месяцев назад вышла замуж. Ее супруг — господин Шангуань Юнь, заместитель министра Храма Императорских Жертвоприношений.

Су Янь быстро сложил пальцы в гадательном жесте и нахмурился еще сильнее:

— До Юнчжоу путь неблизкий. Боюсь, господин Шэнь, беда грозит той вашей дочери, что осталась в столице. Жизнь ее висит на волоске.

Шэнь Фанхэ побледнел от страха:

— Прошу вас, даоси Су, объясните!

Убирая меч, Су Янь туманно пояснил:

— В вашей усадьбе чувствуется след мощного проклятия. Оно уже успело выветриться, но то, что даже его остатки доставили вам столько хлопот, говорит о чудовищной силе породившей его твари. Не знаю, где сейчас скрывается это отродье, но вашей дочери суждено пережить страшный удар судьбы.

— Найдется ли у вас способ спасти ее? — взмолился потрясенный отец.

Су Янь тяжело вздохнул:

— Не видя вашей дочери, я не смею давать пустых обещаний.

Шэнь Фанхэ, пораженный недавней демонстрацией магии, верил даосу безоговорочно. Поняв, что тот готов помочь, он поспешно закивал:

— Будьте покойны, даоси Су! Я прямо сейчас отправлю весточку зятю. Завтра... нет, сегодня же! Сегодня же мы поедem к ней!

— Вот и отлично, — одобрительно кивнул Су Янь.

Затем он похлопал по мешочку на поясе:

— Этот бес пока притих, но оставлять его в живых нельзя — со временем он непременно наберется сил и натворит бед. Посылайте письмо, господин Шэнь. Я избавлюсь от твари к полудню, а после снова загляну к вам.

— Что вы, сочтем за честь! — замахал руками Шэнь Фанхэ и покосился на управляющего. Тот понимающе кивнул, перехватил у слуги поднос со сверкающими серебряными слитками и почтительно протянул его даосу.

Су Янь небрежно взял лишь два слитка:

— Этого вполне хватит.

— Какое благородство, какая скромность! — восхитился Шэнь Фанхэ. Его уважение к даосу возросло втрое. Он самолично проводил Су Яня до ворот и на прощание вновь напомнил:

— Даоси Су, молю, возвращайтесь как можно скорее. Жизнь моей дочери теперь только от вас зависит.

Су Янь кивнул:

— Буду без промедления.

Покинув поместье Шэнь, Су Янь направился напрямик к Башне Самодовольства. В отдельном кабинете на втором этаже его уже дожидались двое: Пэй Цзинсин и Гао Цзэкай.

Сняв с пояса мешочек, Су Янь развязал шнурок. Давешний болотный житель бойко выпрыгнул наружу и уселся прямо посреди стола.

— Даоси Су, я язык об ту ветку оцарапал, — запричитала лягушка и, словно боясь, что ей не поверят, вывалила длинный язык. Продемонстрировав крошечную царапинку, она спрятала его и затараторила дальше: — К тому же позавчера слуги Шэней огрели меня палкой. Так что мне причитается доплата!

Су Янь выложил перед ней оба серебряных слитка:

— Этого хватит?

Длинный язык мгновенно метнулся вперед, сцапал серебро и исчез в пасти. Лягушка захлопнула рот — и поди разбери, куда в ее крошечном теле поместились тяжелые слитки.

— Тогда я, пожалуй, пойду, — вежливо кивнула она присутствующим. — Если понадобится, даоси Су, ищите меня на речном берегу в десяти ли к западу от города.

С этими словами он ловким ударом языка распахнул створку окна и сиганул наружу. Когда мужчины высунулись посмотреть вслед, след беса уже простыл.

Гао Цзэкай с усмешкой покачал головой:

— А я и не знал, друг мой Су, что ты такой мастер разыгрывать комедии. Комар носа не подточит!

Пэй Цзинсин промолчал, сохранив бесстрастное выражение лица, но про себя горячо согласился с товарищем.

Даос всегда казался ему бесхитростным и честным малым, готовым покраснеть при малейшей попытке солгать. А тут — разыграл все как по нотам в паре с говорящей лягушкой. Неудивительно, что простодушные Шэни поверили без оглядки. Не знай Пэй Цзинсин обо всем плане заранее, сам бы наверняка купился.

Разумеется, лягушка была наемным сообщником. Три ночи кряду она нагоняла жути в саду Шэней, а затем на сцену явился Су Янь и устроил образцово-показательный сеанс экзорцизма, сгущая краски изо всех сил. Расчет оправдался блестяще: перепуганные супруги ухватились за него как за соломинку.

— Одна знакомая лисица как-то говорила мне: если не лгать по мелочам, то и в крупный обман все поверят без лишних вопросов. К тому же я наложил на усадьбу Шэней защитное заклятие — как минимум месяц они могут спать спокойно. Так что мы квиты, — Су Янь не стал отпираться и придвинул к себе нетронутую пиалу с чаем, чтобы промочить горло.

Приятно теплый напиток принес долгожданную прохладу иссушенному горлу, и даос с наслаждением прикрыл глаза.

Пэй Цзинсин отвел взгляд от юноши и постучал пальцами по деревянной столешнице, обращаясь к Гао Цзэкаю:

— Шангуань Юнь костями ляжет, но просто так не подпустит Су Яня к Юнь-нян. Каков твой план на этот случай?

Гао Цзэкай самодовольно ухмыльнулся:

— Об этом я позаботился заранее.

Достав из широкого рукава бумажный оберег, он положил его на стол и пододвинул к Су Яню:

— Если этот подлец откажет тебе во встрече, передай оберег госпоже Шэнь. Материнское сердце не выдержит, она сама пойдет навестить беременную дочь, а уж ей Шангуань Юнь преградить дорогу не посмеет под благовидным предлогом.

Су Янь взял оберег, поднес к лицу и принялся.

— От него веет Полулицым призраком. Что ты туда подмешал?

Гао Цзэкай покосился на Пэй Цзинсина и хохотнул:

— Твой кузен — настоящий гений. Стоило мне в общих чертах описать запах, как он без труда составил эту благовонную смесь.

Пэй Цзинсин нахмурился, понимая, что Гао Цзэкай снова втемную использовал доверчивого Пэй Хуайюя.

— Что за смесь ты заставил его составить? Если с парнем что-то случится, гнев Государя и принцессы Минлан сотрет тебя в порошок. Думаешь, твоя голова усидит на плечах?

Гао Цзэкай отмахнулся с легким смешком:

— Да брось ты, обычные благовония, разве что добавил туда каплю фимиама возвращения душ. И не нужно так на меня смотреть! Будто твой кузен из тех, кто способен послушно сидеть взаперти и неделями переписывать скучные трактаты. Не займи я его этой затеей, он бы сегодня непременно увязался за нами и наломал дров.

Су Янь представил, как этот непоседливый юноша мается от тоски за письменным столом, сокрушаясь и изнывая от безделья, и не сдержал тихой усмешки.

Пэй Цзинсин покосился на юношу, и его суровый взгляд немного потеплел. Вновь повернувшись к Гао Цзэкаю, он продолжил:

— Государь души не чает в Хуайюе. Я слышал, твой младший соученик Вэй Чжунмоу недавно пытался подшутить над ним. Если бы не своевременное вмешательство Су Яня, все закончилось бы бедой. Его Величество был в ярости. Поговаривают, он лишь ждет возвращения Государственного наставника из паломничества, чтобы призвать виновного к ответу. Не испытывай монаршее терпение.

Стоило упомянуть Вэй Чжунмоу, как Гао Цзэкай помрачнел от злости:

— И не напоминай мне об этом ничтожестве! Хвастает глубокими познаниями, а сам опустился до мелочных склок с учеником, который числится у нас лишь на бумаге. Будь наш учитель сейчас в Сицзине, я бы собственноручно очистил врата ордена от этой швали, пока он не накликал беду на учителя и на меня.

Забываясь о репутации школы, Гао Цзэкай умолчал о деталях: Вэй Чжунмоу принял зеленого призрака с дынного поля за безобидного бродячего духа и хотел лишь слегка припугнуть Пэй Хуайюя. Он и помыслить не мог, что тварь окажется настолько свирепой и сразу попытается лишить юношу жизни.

Второй ученик самого Государственного наставника дал обвести себя вокруг пальца заурядному бесу — разнесись весть об этом позоре по столице, безупречной репутации их учителя был бы нанесен непоправимый урон.

Пока Гао Цзэкай предавался мрачным мыслям, Су Янь отложил оберег в сторону и обратился к Пэй Цзинсину:

— Уличный посол Пэй, не тревожьтесь. Этот аромат совершенно безвреден для простых смертных. Распознать его смогут лишь опытные заклинатели или те, кто однажды сам заглянул в глаза смерти.

Сердце Пэй Цзинсина тревожно сжалось. Он взял оберег, поднес его к лицу и сделал глубокий вдох. Действительно — в воздухе разлилось леденящее веяние могильного тлена, заставившее его кожу покрыться мурашками.

Сделав вид, будто ничего не почувствовал, он невозмутимо вернул оберег на стол:

— И впрямь, обычный запах.

Когда Су Янь вновь прибыл в поместье Шэнь, все вышло в точности так, как предсказывал Пэй Цзинсин. Из дома зятя пришел сухой ответ: господин Шангуань Юнь передал, что его супруга до сих пор не оправилась от потрясения после встречи с Полулицым призраком и потому не желает видеть ни монахов, ни даосов.

Следуя наставлениям Гао Цзэкая, Су Янь достал оберег и протянул его Шэнь Фанхэ:

— Господин Шэнь, в таком случае передайте этот оберег вашей дочери. Пусть носит его, не снимая, и никакое зло не посмеет к ней подступиться.

Шэнь Фанхэ, пораженный проницательностью молодого человека, который словно наперед знал ответ зятя, исполнился к нему еще большего почтения. Он почтительно принял бумажный сверток обеими руками:

— Благодарю вас от всего сердца, даоси Су!

Су Янь мягко улыбнулся:

— В ближайшее время я буду жить в Храме Высшего Таинства. Если понадобится, господин Шэнь, ищите меня там.

— Да, конечно. Еще раз спасибо, даоси Су! — закивал хозяин дома.

Взяв из рук управляющего две увесистые золотые плитки, он протянул их гостю:

— Мы с супругой посовещались... Вы еще столь молоды, но уже наделены редким благородством и отзывчивостью, что мы не можем не выразить свое восхищение. Сицзин огромен, и расходы здесь немалые. Прошу вас, примите эти два золотых слитка как скромный знак нашей признательности.

Поначалу Су Янь хотел отказаться — ведь он еще не совершил ничего существенного, да и к тому же сговорился с Пэем и Гао, чтобы разыграть перед хозяевами этот спектакль. Принимать плату за обман казалось делом постыдным. Но стоило вспомнить, что несчастная Юнь-нян лишилась плоти из-за коварства собственного мужа и что они пытаются спасти ее, как сомнения рассеялись. Это золото пойдет на благое дело, а значит, принять его вполне справедливо.

Поэтому он не стал больше отнекиваться и принял золото, напоследок строго предупредив хозяина:

— Господин Шэнь, проследите, чтобы ваша дочь непременно надела этот оберег. Он ни на миг не должен покидать ее.

Шэнь Фанхэ вновь самолично проводил гостя до ворот. Заметив, как тот озабоченно хмурится, глядя на тяжелое золото, почтенный муж решил, будто благородный юноша переживает, что взял плату до того, как завершил дело, и еще сильнее укрепился в своей вере в святость молодого даоса.

Ему и в голову не могло прийти, что в этот самый момент Су Янь мучительно соображал, как им теперь делить два круглых золотых слитка на троих.

<http://bllate.org/book/18419/1788021>